

Кусов Геннадий Владимирович

**ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАДАЧИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ**

Статья раскрывает круг практических проблем, возникающих при проведении судебной лингвистической экспертизы, описывает новые лингвопрагматические модели, определяющие степень "оскорбительности" лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. III. С. 84-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

9. **О статусе наукограда Российской Федерации:** Федеральный закон от 07.04.1999 № 70-ФЗ // Там же. 1999. № 15. 12 апреля. Ст. 1750.
10. **Об инновационной деятельности в городе Москве:** Закон г. Москвы от 07.07.2004 № 45: ред. от 30.11.2005 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2004. № 44. 30 июля.
11. **Об инновационной деятельности в Томской области:** Закон Томской области от 04.09.2008 № 186-ОЗ [Электронный ресурс] // Официальный сайт законодательной Думы Томской области. URL: <http://duma.tomsk.ru/page/11140/> (дата обращения: 15.02.2011)
12. **Об инновационном центре «Сколково»:** Федеральный закон от 28.09.2010 № 244-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 40. 4 октября. Ст. 4970.
13. **Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 года** [Электронный ресурс]: утв. письмом Председателя Правительства РФ от 05.08.2005 г. № 2473-П7. Доступ из справ.-правов. системы «Консультант Плюс».
14. **Судариков С. А., Грек Н. Г.** Интеллектуальная собственность и инновации // Право интеллектуальной собственности. 2008. № 4. С. 800.
15. **Худокормова О. И.** Объекты инновационной деятельности // Предпринимательское право. 2010. № 2. С. 297.

ABOUT THE LEGAL REGULATION OF INNOVATIVE ACTIVITY

Elena Olegovna Kuz'mina

*Department of Customs, Administrative and Financial Law
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
kuzminaeo@list.ru*

The author considers the modern approaches to determining the legal base of innovative activity in the Russian Federation. Comparing different points of view the author suggests to consider innovative activity in broad sense – as the inter-branch institution of Russian law.

Key words and phrases: innovations; innovative activity; legal regulation; intellectual property; law institution.

УДК 643.9

Статья раскрывает круг практических проблем, возникающих при проведении судебной лингвистической экспертизы, описывает новые лингвопрагматические модели, определяющие степень «оскорбительности» лексических единиц, вовлеченных в правовой дискурс.

Ключевые слова и фразы: судебная лингвистическая экспертиза; диагностика оскорбления; социальная оценка; иллокутивный речевой акт; алгоритм диагностики оскорбления.

Геннадий Владимирович Кусов, к. филол. н.

Кафедра политологии и права

*Кубанский государственный технологический университет
belokurs@yandex.ru*

ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ЗАДАЧИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ©

У специалистов – разработчиков теоретической базы криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы при решении общетеоретических и диагностических задач возникает много противоречивых проблем ввиду отсутствия методологии единых правил проведения лингвистического исследования текста, представленного для дачи экспертного заключения. На сегодняшний день самой большой нерешенной проблемой является отсутствие единого терминологического аппарата, который бы своей степенью обобщенности устраивал и юристов, и языковедов. Как правило, исследователи изыскивают «точки соприкосновения» права и языка, чтобы можно было как-то свести юридические и лингвистические термины к одному знаменателю. Задача построения единого понятийного аппарата усложняется требованием действующей процессуальной нормы права, направленной на обеспечение принципа законности содержательной части экспертного заключения, как целостной системы сбора и фиксации средств доказывания по спорному делу.

Впервые лингвистическая экспертиза как самостоятельный род (вид) экспертизы была включена в перечень экспертиз, выполняемых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел РФ, приказом МВД России от 29.06.2005 г. № 511. В следственных органах МВД и Прокуратуры необходимость в проведении лингвистической экспертизы возникает по делам следующих категорий: возбуждение национальной розни, угроза и шантаж, вымогательство, нарушение авторских и смежных прав, клевета, оскорбление, сообщение об акте терроризма и т.д.

Сам факт существования отдельной науки о судебной экспертизе остается во многом часто дискуссионным. Однако представляется, что прав Р. С. Белкин, который, в свою очередь, на основе глубокого анализа проблемы и изучения практически всего написанного по этому поводу отметил, что судебная экспертология (или общая теория судебной экспертизы) имеет все основания для конституирования в самостоятельную область научного знания. Можно рассматривать ее как науку о закономерностях возникновения и развития судебных экспертиз, процесса экспертного исследования и формирования его результатов, закономерностей, проявляющихся в общности тех методологических и методических основ, на базе которых возможно объединение отдельных видов судебной экспертизы в единую целостную систему с четкой классификацией видов судебной экспертизы как ее элементов [3, с. 308].

К сожалению, на сегодняшний день лингвистическая экспертиза представляет собой субъективную интерпретацию одного конкретного эксперта. И поскольку результат исследования предназначен не для коллег-филологов, не для специалистов, но рассчитан на судей, аудиторию, суд присяжных, значит, не может быть изложен профессиональным «жаргоном», так как его просто не поймут. Получается нечто научно-популярное с опорой на словарь Ожегова, который известен большинству населения [11, с. 1]. Значение слова может кардинально меняться в зависимости от ситуации. Например, мы можем счесть оскорбительным обращение к блондинкам, но никакой словарь Ожегова не фиксирует оскорбительного компонента в этом слове, а в ситуативном дискурсе этот компонент имплицитно (проявляется). Никакой эксперт свое профессиональное «видение» при помощи словаря зафиксировать не может, хотя он дает правильную профессиональную оценку маркерам языка. Эксперт в экспликации связан нормой процессуального права, поэтому в экспертном заключении ссылаются только на общепринятые источники, пытаясь ими подкрепить свое, заранее вынесенное суждение, которое должно быть понятно другим участникам судебного разбирательства.

К этому можно добавить, что филология – это такая наука, в которой нет четких определений, норм, единых правил диагностики ненормативной и обесцененной лексики, вовлеченной в правовой спор. Эта проблема выливается в низкое качество экспертизы, в ее формальную востребованность и почти нулевую значимость. Усовершенствовать этот процесс можно одним способом, ответив на все нерешенные лингвистические вопросы в рамках решения общих задач криминалистического обеспечения лингвистической экспертизы по созданию единой методологической базы. К этому же типу задач относится и предварительный «экспресс-метод», который позволяет привязать конкретное «спорное» делу к определенному роду или виду экспертиз с описанием типовых вопросов к эксперту.

В теории лингвистической экспертизы важное значение имеет постановка частных задач в проведении научного исследования. Все же некоторые ученые, интересующиеся данной научной и практической проблемой, забывают, что основное назначение судебной экспертизы – это «извлечение и перекодирование в доступную для субъекта доказывания и участников процесса доказательственной информации, создание новых доказательств» [2, 208], имеющих отношение к предмету и пределам доказывания на основании предоставленных фактов, зафиксированных в соответствии с процессуальным правом. Если с целями судебной лингвистической экспертизы дела обстоят более или менее ясно, в силу того, что эти цели определил законодатель и выход за рамки установленной законодателем нормы влечет признание экспертизы недействительной. По-другому дело обстоит с постановкой исследовательских задач в процессе проведения судебной лингвистической экспертизы.

В теории судебной лингвистической экспертизы установилось мнение, что, пока не сформулирована четкая научная парадигма решения проблемы «оскорбительности» в праве, научный поиск идет по пути дивергенции индексов оскорбления – для нерешенной научной проблемы выстраивание теоретических гипотез осуществляется по всем возможным направлениям. Судебная экспертиза – это, прежде всего, регулятор законности, утверждающий принцип верховенства права, а не субъективного мнения. Экспертиза, построенная на научных основах, позволяет свести на нет судебные ошибки и, тем самым, повысить роль судебной системы в формировании правового государства.

К сожалению, проблема «правовых дефиниций» и «языковых утилитарных понятий» продолжает преследовать исследователей, занимающихся изучением продуктов речевой деятельности, вовлеченных в правовой дискурс. Научная неопределенность и недостаточная проработанность терминологического аппарата пока компенсируется профессиональными штампами о допустимом истолковании «языковых форм» правовых норм: «принято полагать в профессиональной среде» или «практика свидетельствует о том, что».

При анализе оскорбительности в судебной лингвистической экспертизе важное значение имеет отношение к показателю оценки номинации лица как: 1) индивиду, несущему в себе черты некой социальной общности (Мы); 2) личности, выделенной из единого социального массива (Я). Оценка – это актуализированный факт, выступающий как проявление ценностной сущности. Выстраивание современной системы ценностей в социуме подчинено стандартам, выработанным естественным правом (*jus naturale*). Стереотипная формула, принятая в методике диагностики «оскорбления» судебной лингвистической экспертизы, «негативная оценка личности» – это персональная оценочная информация как логический оператор отрицания внутреннего положительного (мелиоративного) качества, в то время как социальная значимость личности, мерило доброго имени, «реноме» человека в обществе отражает систему общечеловеческих ценностей.

Проблема диагностики оскорбительности состоит в том, что социальная оценка речевого акта «оскорбление» логически не имплицитна (не выводима) и эвристически не соотносена с семантическим наполнением диспозиции правовой нормы. В речевом акте оскорбление (лингвокультура) сравнение сопоставимых объектов происходит по принципу дизъюнкции – разведения на разные полюса ценностной парадигмы

доброе имени и социальной оценки, включенной в негативную номинацию лица. Иллокутивный эффект создается ввиду очевидного противопоставления сопоставимого идеального (Мы) и обозначенной актуальности (номинарованное Я) с перспективой утраты престижной социальной позиции. Право выступает как гарант общественной стабильности, поэтому в диспозиции уголовно-правовой нормы за семантическую основу запрета берется недопустимость умаления чести и достоинства как общечеловеческой ценности. Правовая норма «оскорбление» отображает семантическое ядро лингвокультуры не зеркально, а в соответствии с уровнем развития института прав и свобод человека и гражданина [10, с. 203].

В логической формуле речевого акта оскорбления тезис о социальной несостоятельности личности преподносится в безапелляционном виде и именно это создает иллокутивный эффект речевого акта оскорбление. В таком понимании *оскорбление* – это речевой акт прямого действия, направленный на подавление интеллектуальной составляющей сознания личности с целью отрицания ее социальной значимости. Оскорбительное суждение строится по принципу игры на понижение социальной оценки: все, что ты делаешь или говоришь, – несущественно, так как ты не можешь быть «знатоком» в силу того, что ты «изгой», находишься внизу социальной иерархии. Оскорбление – результат срывания «титульных свидетельств», регистрирующих социальный статус в обществе: лишение титула или ранга, постановка приговора, диагноза, обвинение в аморальном поведении – таков арсенал средств коммуникативного давления на личность.

Диагностика в судебной лингвистической экспертизе «подавления интеллектуальной составляющей» сознания личности через анализ «негативной оценки личности» решает косвенные задачи (намерение оскорбить; анализ психического вреда; эмпирическое описание морального вреда, что для анализа оскорбительности в праве несущественно, так как компенсация «морального вреда» возможна только в случаях, указанных в законе, этот список ограничен и не подлежит расширенному толкованию). Негативная оценка личности – это оптическая призма, через которую люди рассматривают окружающую действительность, чтобы выразить свое отношение к адресату [12, с. 28]. Оценивать – значит высказывать похвалу или порицание. Негативная оценка – это лишь мнение, выражающее отношение субъекта к объекту через сравнение с антиподом. Но поскольку оценки – это суждения, то они, как и прочие суждения, распознаются с позиций истинности или ложности. Это делает оценки более относительными, чем ценности [1, с. 33]. Негативная оценка подтверждает количественный аспект критики (черепаша – медлительность), а не качество состояния отрицания или умаления личности как общечеловеческой ценности (ср., шакал – алчность, беспощадность). Оценка личных качеств субъекта, пусть даже и «негативная», – это индивидуальное умозаключение, мнение автора высказывания, индивидуальная характеристика субъекта. Социальный статус носит в значительной степени безличный характер, тогда как личный статус подчеркивает индивидуальные качества субъекта [12, с. 132].

Судебная практика показывает, что в судебной лингвистической экспертизе необходимо раскрывать более существенные признаки, которые отображают прямые индексы оскорбления, такие как *социальная оценка*. Оскорбление – это не негативная характеристика отдельной личности, это отрицание ценности «чести и достоинства» конкретного индивида как общечеловеческого достояния, общечеловеческой ценности. Поэтому основной задачей диагностики оскорбительности в судебной лингвистической экспертизе является выявление «точек» пересечения семантических полей лингвокультуры и диспозиции правовой нормы.

Социальные нормы как элемент общественного сознания несут прескриптивную информацию, то есть включают в себя различные виды предписаний, которые в совокупности образуют сферу должного. Этими предписаниями и руководствуется индивид, вынося свою оценку тем или иным социальным событиям, явлениям или другим членам общества. Таким образом, одним из важнейших признаков социальной нормы является ее категория императивности, которая выражается в том, что социальное поведение, не соответствующее правилу, обязательно вызывает негативную социальную оценку.

Каждая лингвокультура закрепляет эталоны отношений к различным типам нормативных выводов [5, с. 18]. По мере развития практической деятельности человека «социальная ценность» включает в себя все большее число предметных элементов, которые постепенно инкорпорируются в социум, т.е. становятся общественно-значимыми сущностями. Это явление нашло свое лингвистическое подтверждение в семиозисе «конвенциональных актов» (Сёрль, 1986). Лексика, содержащая лексические типы «социально-нормативного предцирования» (ссылка на известный социальный факт), участвует в манифестации социальной оценки. Ценностная предметность элементов лексики «конвенциональных актов» есть продукт общества. Более того, эта ценностная предметность есть продукт общественных отношений, которые актуализируются через «этимологическую память» предшествующего лингвокультурного опыта [10, с. 63]. Ср.: 1) вынесение приговора или решения суда (мошенник, банкрот); 2) постановка медицинского диагноза (шизофреник, псих); 3) нарушение корпоративной этики (сапожник, бракодел); 4) нарушение формы ритуала, публичное оглашение негативной оценки, отказ от возложенной обязанности и т.д. (оборотень и т.д.); 5) моральная (этикетная) оценка (стукач) и т.д.

С точки зрения аттракции лексика негативного типажа «социально-нормативного предцирования» придает имиджу личности высокую степень непривлекательности в силу того, что вынесена отрицательная социальная оценка, наложена «печать» официального отлучения и общественного отторжения. Таким образом, лексика негативного типажа «социально-нормативного предцирования» включена в социальную оценку личности семантикой коллективного осуждения [9, с. 340].

В современной практической деятельности по производству судебной лингвистической экспертизы оскорбительности в постановке диагностических задач допускается логическая ошибка: происходит подмена

суждения об отрицании общечеловеческой ценности личности (правовой критерий) суждением о вынесении «лицу негативной оценки», когда содержательная сторона доказательств основывается на данных лингвокультуры, а не на языковом анализе запрещенного социального явления. Выводы подобной судебной лингвистической экспертизы предоставляют «ненадлежащие» языковые факты, которые, в конечном итоге, становятся основой «неправосудного» приговора или решения суда.

Таким образом, оскорбление – это не оценка по принципу негативно / позитивно, это отрицание ценности человеческого бытия как такового. Оскорбление не может быть истинным / ложным. Мерило оскорбления – это социальная оценка, определяемая по шкале значимо / абсурдно: оскорбление может быть действительным или мнимым. Социальная оценка – это всегда то, что высоко оценивается как в отрицательном, так и в положительном смысле, – это то, что признается или не признается другими людьми, группой, обществом. Ценность, таким образом, мера качественная и включает в себя только что-либо стоящее, социально значимое. Обычно оценка выражается во мнении, причем как вербально, так и невербально. Мнение понимается как суждение, мысль, выражающее оценку кого-либо, чего-либо. Или как отношение к кому-то, чему-то; синонимы оценки – взгляд, воззрение, точка зрения.

Оскорбление подразумевает социально нестабильную перспективу, а негативная оценка личности – это фиксация неудачного опыта применения личных умений или отражение индивидуальных недостатков. **Оскорбление** – это анонс общественного отказа в праве личности пользоваться социальными достижениями, состоящими из перечня гарантированных социумом прав и привилегий, обеспечивающих устойчивость социального статуса. Данное покушение на общественное признание приводит к тому, что может пострадать «репутация» оскорбленного человека и его социальная устойчивость.

Специфика ценностей, их проявление и функционирование в обществе определяется не субъектно-объектными, а межсубъектными отношениями и в них же, в свою очередь, реализуется. Отношение же субъекта к объекту, с точки зрения его значимости, определяет специфику оценки, а не ценности. Это позволяет четко различать понятие оценки как субъектно-объектного отношения и ценности, фиксирующей наиболее общие типы отношений между субъектами любого уровня от личности до общества в целом, исполняющие обратную нормативно-регулирующую роль в обществе. При этом имеются в виду отношения не только между личностью и обществом, а все возможные варианты межличностных (субъект-субъектных) отношений.

Мыслительные операции, не переставая быть логическими, могут иметь более широкий ряд оценок, нежели просто «истинно / ложно» [12, с. 16]. Используя анализ элиминации ложных гипотез Ч. Пирса [4, с. 48] и «язык интерпретации речевого акта оскорбление» [13, с. 105], можно создать алгоритм диагностики оскорбительности на основе замещения социальных оценок.

Образец методики:

1. (Р) посыл – общие идентификационные признаки социальной группы *N*.
2. (А) утверждение – *X* принадлежит к указанной в п. 1 группе *N*.
3. (С) верификация следствия – принадлежность *X* к указанной в п. 1 группе *N* абсурдна или это очевидный факт (метод сравнения подобий).
4. Интерпретационная часть – эффект распознавания.

Анализ примеров из судебной практики по делам об оскорблениях (без юридической квалификации, то есть без описания критериев «неприличная форма»). Пример 1: «цепной пес». 1. Общие идентификационные признаки явления: целеустремленность. 2. *X* принадлежит к указанной группе: *X* номинирован как представитель социальной группы *N*. 3. Быть целеустремленным – это престижно: очевидный факт, что быть представителем социальной группы *N* это престижно. 4. Вывод: принадлежность кого-либо к социальной группе *N* не умаляет честь и достоинство личности. Пример 2: «шакал». 1. Общие идентификационные признаки явления: кровожадность, беспощадность. 2. *X* принадлежит к указанной группе: *X* номинирован как представитель социальной группы *N*. 3. Быть кровожадным и беспощадным – это престижно: абсурдное утверждение, так как социально нетерпимо и осуждаемо. 4. Вывод: принадлежность кого-либо к социальной группе *N* умаляет честь и достоинство личности.

Объект оценки – это предмет или явление, которые поддаются осмыслению и оцениванию. При этом при проведении судебной лингвистической экспертизы необходимо понимать, что не следует путать такие понятия, как объект оценки (неуклюжий человек) и объект собственно познания окружающего мира (черепашка). Если собственно познание представляет собой отражение предметов, явлений и процессов объективного мира в понятиях, суждениях, умозаключениях, то оценка предполагает взаимное сравнение с субъективными взглядами и представлениями, которые выполняют в процессе оценки функцию критерия, мерила и, тем самым, позволяют прийти к оценочному суждению. «Черепашка» в данном случае не объект окружающего мира, а степень мерила, шкала, узуальная языковая единица. Шкалой нельзя оскорбить, мерило – это сравнение. Сравнение может быть некорректным, неудачным, неподходящим (речевое хулиганство). Оскорбление всегда социально, т.к. это «социальный подтекст», «социальный объем», качество причиняемого социального вреда. В таком понимании, **оскорбление** – это причинение обиды чувствам самокритичной личности, не допускающей определения ее социальной значимости ниже порога восприятия общепринятых форм приличия.

При квалификации правовой нормы оскорбления значение имеют следующие элементы, которые собственно и подлежат квалификационной оценке: 1) каким социальным ценностям наносится ущерб, т.е. определяется вид общественных отношений; 2) какими способами и приемами было достигнуто оскорбление. Для юриста важна юридическая составляющая, квалифицирующая то или иное деяние, в то время как

для не специалиста, носителя обыденного или наивного языкового сознания, важно оценить противоправность деяния с утилитарных позиций (наглое, подлое, коварное). Юридические термины являются своего рода застывшими формулами (соучастник, мошенник, виновный) ценностно-значимой информации, лишены эмотивности, образности.

Оскорбление – социальный запрет, заключение о низкой социальной ценности личности (падаль), констатация отсутствия социальной адаптации (паразит), негативная социальная характеристика (тунеядец). Социальная оценка – мера качественная и включает в себя только что-либо стоящее, социально значимое. Негативная оценка личности – характеристика кого-либо – осуществляется с точки зрения стоимости и выражается во мнении.

В формировании социальной оценки участвует социальная норма, которая служит главным критерием, образцом для подражания, определенным мерилем ценности того или иного социального явления. При соответствии социальной норме явление или субъект получает одобрительную социальную оценку. И, наоборот, при несоответствии социальной норме субъект получает неодобрительную оценку. Для каждого вида номинации социальной деятельности и связанной с ним группы ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий обобщенный образ, образец, стереотип: правило, норма, идеал и т.п., формальные и неформальные регуляторы социальной жизни.

Использование в пресуппозиции речевого акта оскорбление ссылки на социально полезную ценность порождает *мнимое оскорбление* – «оскорбление» абсурдным. Это симуляция оскорбления, обыгрывание «оскорбленности», исполнение социальной роли униженного достоинства, требующего наказания «виновного» при отсутствии достаточных на то правовых оснований.

Экспертиза назначается не для того, чтобы дать «оценку лексическим средствам» (пожурить за использование плохих слов), а для того, чтобы определить, какой урон они представляют в «активированном виде», то есть облаченные в форму речевого акта несут ли отрицательную синергетику для лица как носителя общечеловеческих ценностей. К сожалению, в вопросно-ответной форме профессиональный штамп «в каких лексических единицах дана в спорном тексте негативная оценка личности?» отождествляется с диспозицией статьи 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, то есть «унижением чести и достоинства». Таким образом, происходит подмена предмета доказывания, так как в русской лингвокультуре отсутствие мелиоративной оценки уже есть «негативная оценка личности». Подобная подмена на стадии формирования вопросов неверно определяет постановку исследовательских задач для эксперта. Такая логическая ошибка привносит отпечаток субъективности на все экспертное заключение.

Итак, *оскорбление* – это концентрированный социокультурный стереотип поведения, распространенный в массовом сознании носителей лингвокультуры, о видах социально неодобряемого поведения, которое в коммуникативном взаимодействии вызывает несогласие номинированного адресата занять непривлекательное место в социальной системе ценностей ввиду утраты им прежнего социального образа или положительной оценки самоуважения. Определить степень оскорбительности спорного текста возможно на основе анализа социальной составляющей выражения или лексических единиц, содержащих негативную номинацию лица, «ибо представления об оскорбительности слова или поступка лежат не столько в языковой сфере, а в сфере культурных традиций нормативного поведения человека в обществе» [6, с. 330].

До анализа квалифицирующих признаков «неприличная форма» семантика вопросно-ответной конструкции диагностики оскорбления в судебной лингвистической экспертизе обязательно должна содержать три типа вопросов:

1. Имеются ли в спорном тексте выражения или лексические единицы, содержащие негативную номинацию лица *X* (идентификационный признак)?
2. В каких выражениях и лексических единицах содержится неодобрительная социальная оценка лица *X* (социальная оценка, крайне негативная оценка лица)?
3. Какова символика социальных ценностей, аргументирующих речевой акт (социально одобряемые / неодобряемые; значимые, несущественные, ложные), на которые ссылается контекст выражений или лексических единиц, содержащих негативную номинацию лица *X* (социальный символизм выражений или лексических единиц позволяет детерминировать действительное или мнимое оскорбление использовалось в речевом акте)?

Таким образом, качество лингвистической экспертизы зависит от уровня развития общей методологической базы (развитие общего языкознания) и наличия исчерпывающего перечня частных криминалистических методик исследования лингвистических объектов правоприменительной практики.

Список литературы

1. Анисимов С. Ф. О первоценности морали в структуре человеческой духовности // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. М.: Изд-во МГУ, 2001. № 1. С. 26-36.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания: научно-методическое пособие. М.: НОРМА, 1999. 429 с.
3. Белкин Р. С. Курс криминалистики. Частные криминалистические теории. М.: Юристъ, 1997. Т. 2. 464 с.
4. Боброва А. С. Теория рассуждений Ч. Пирса: дисс. ... канд. философ. наук. М., 2005. 154 с.
5. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: автореф. дисс. ... д.ф.н. Кемерово, 2010. 42 с.
6. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 416 с.

7. **Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации:** Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // Российская газета. 2005. № 521. 30 августа.
8. **Голев Н. Д.** Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 11-58.
9. **Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. **Кусов Г. В.** Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004. 245 с.
11. **Потсар А.** Лингвистическая экспертиза подтверждает: закон – что дышло [Электронный ресурс]. URL: http://tv.russia.ru/video/diskurs_9973/ (дата обращения: 24.05.2011).
12. **Сутужко В. В.** Социальная оценка как объект социально-философского анализа: дисс. ... канд. философ. наук. М., 2004. 174 с.
13. **Шилихина К. М.** Коммуникативное давление в русском общении // Язык и социальная среда. Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. Вып. 2. С. 103-108.

GENERAL AND PARTICULAR TASKS OF CRIMINALISTIC SUPPORT OF LINGUISTIC EXPERTISE

Gennadii Vladimirovich Kusov, Ph. D. in Philology
Department of Political Science and Law
Kuban' State Technological University
belokurs@yandex.ru

The article reveals the range of practical problems which appear while conducting forensic linguistic expertise and describes new linguo-pragmatic models which determine the degree of the “insultingness” of the lexical units involved in legal discourse.

Key words and phrases: forensic linguistic expertise; insult diagnostics; social estimation; illocutive speech act; algorithm of insult diagnostics.

УДК 643.9

Статья раскрывает онтологические аспекты научного познания форм бытования судебной лингвистической экспертизы – науки о языке и праве.

Ключевые слова и фразы: экспертология; судебная лингвистическая экспертиза; экстралингвистические факторы; текст; концепт; дискурс; маркеры языка; скрытый смысл.

Геннадий Владимирович Кусов, к. филол. н.
Кафедра политологии и права
Кубанский государственный технологический университет
belokurs@yandex.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ©

Экспертология как наука – это исторически сложившаяся и непрерывно развивающаяся на основе общественной практики система знаний об экспертизе. Как междисциплинарное научное направление входит в комплекс наук о принятии решений, имеет свой понятийно-категориальный аппарат, свои общие основы и принципы, предлагает решения сложных вопросов, неразрешимых в рамках других дисциплин [16, с. 29].

В настоящее время одним из важнейших вопросов теории права является вопрос, связанный с выработкой принципов действия лингвистической экспертизы, коммуникативных конфликтов, вовлеченных в сферу следственных действий и судебного разбирательства. Постигание этих форм правосознания стоит в прямой зависимости от того, как раскрываются теоретические понятия и содержание лингвистической экспертизы.

По определению А. Н. Баранова, лингвистическая экспертиза – это активно развивающаяся социально значимая сфера деятельности. Экспертная оценка речевых материалов является ключевым моментом в деле установления обстоятельств, значимых для расследования преступлений против личности и государства, правонарушений в рамках бизнес-взаимодействий [1, с. 29]. Специальные знания лингвиста широко применяются в судебных процессах по нарушениям авторских и смежных прав, защите чести и достоинства личности, а также деловой репутации юридического лица, при расследовании уголовных дел о клевете, оскорблениях, разжигании межнациональной и религиозной розни. К лингвистической экспертизе обращаются также в случае необходимости толкования некоторых положений нормативно-правовых актов.

Цель любой судебной лингвистической экспертизы – проверка истинности либо ложности (категорические выводы), возможности или невозможности (модальные положительные и отрицательные выводы) высказываний о предмете исследования, которые вытекают из вопросов, поставленных перед экспертом. Так, при исследовании